

***Надзённыя праблемы
лексікалогіі і анамастыкі
славянскіх моў***

Матэрыялы

II Міжнароднай навуковай канферэнцыі

г. Мазыр, 22–23 красавіка 2010 года

**Мазыр
2010**

урбанонимов, сложные единицы отличаются большим разнообразием моделей, что можно объяснить стремлением избежать «безликости» некоторых названий. Это касается, например, наименований улиц в честь лиц, у которых есть знаменитые однофамильцы: *Серова, Вавилова, Седых, Тополева, Кольцова* и др. Мало кому в таком случае удастся с первого раза ответить на вопрос, в честь кого названа та или иная улица. Именно поэтому в последнее время участилось введение в топонимическую модель личного имени в полной или инициальной форме либо апеллятива, обозначающего звание или характер деятельности лица, фамилия которого служит основой номинации внутригородского объекта.

В заключение подчеркнем, что многие современные названия на урбанонимной карте Минска не отличаются устойчивостью и стабильностью. Однако следует обратить внимание на то, что каждый исторический этап (революция, польская оккупация, Великая Отечественная война и немецкая оккупация) повлиял на формирование структурных и номинационных особенностей минских городских топонимов. Многочисленные переименования, чрезмерная «мемориализация» урбанонимикона (особенно в послевоенные годы), большинство нецелесообразных номерных повторяющихся названий – всё это следствие определённых исторических периодов развития города.

Литература

1. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко; под. ред. П. П. Шубы. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
2. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтманс, Н. В. Подольская [и др.]; отв. ред. А. П. Непокупный; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. – 254 с.

Е. А. Огнева (Россия, Белгородский государственный университет)

НОМИНАНТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ И ФРАНЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Межкультурная коммуникация представляет собой сложную систему, которая, по мнению О. А. Леонтовича, не является простой суммой составляющих ее элементов, но результатом взаимодействия и взаимовлияния языка, культуры и коммуникации в феноменологическом поле творения человеческого смысла [6, с. 7]. Исследование взаимосвязи языковых единиц и единиц культуры заключается «в установлении, во-первых, адекватных языковых средств, выражающих культурную единицу в дискурсе, а, во-вторых, в выявлении основных прагматических функций апелляций к данной культурной единице в различных коммуникативных ситуациях» [8, с. 8]. «Этноязыковое кодирование культурноносных смыслов начинается с осмысления денотативно-прагматической ситуации, в которой находится предмет духовно-практического освоения» [1, с. 82].

Реалии национальной культуры выражаются в языке в культурах. Лингвокультурема как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство стилистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания [3, с. 44]. Культуремы являются обособленной группой знаков языковой картины мира, которые несут в себе совокупность признаков культурологического фонда того или иного народа и требуют к себе пристального внимания со стороны переводчика [7, с. 44].

Сопоставительный анализ текстов на французском и русском языке выявляет предпосылки симметричного/асимметричного перевода [2, с. 29–34] лингвокультурологически обусловленной лексики. Впервые термины симметрия/асимметрия при характеристике языкового знака в лингвистической науке были применены С. Карцевским в его работе «Об асимметричном дуализме языкового знака» [5]. «Под симметрией подразумевается соразмерность, пропорциональность частей чего-либо, расположенных по обе стороны от середины» [22, с. 707]. Асимметрия знака существует как изменение глубинной семантической структуры высказывания [4, с. 514]. Перевод культурем, отражающих административно-территориальное устройство и географические наименования в художественных произведениях, специфичен. Известно, что географические наименования имеют, как правило, постоянные соответствия, но в ряде случаев переводчик вынужден отказываться от этих соответствий для передачи культурологически обусловленной информации текста. В результате сравнения материала на русском и французском языках выявлены следующие тенденции адаптации знаков, номинирующих административно-территориальные и географические объекты России и Франции: 1) симметрия культурем на уровне содержания и формы; 2) симметрия культурем в плане содержания и асимметрия в плане выражения языкового знака; 3) асимметрия плана содержания культурем.

1. Симметрия культурем на уровне содержания и формы. Сопоставительный анализ исследуемой группы культурем выявил преобладание симметричной передачи плана содержания и выражения при переводе с французского языка на русский. Установлено, что адаптация культурем достигается следующими способами: а) транслитерация названий: *Cité* [17, с. 9] – *Сите* [11, с. 8], *le Louvre* [17, с. 11] – *Лувр* [11, с. 10], *Sainte-Leu-la Forêt* [17, с. 13] – *Сен-Ле-ла-Форе* [11, с. 12];

б) адекватный перевод: *le Pont-Neuf* [17, с. 9] – *Новый мост* [11, с. 8], *le pont des Arts* [17, с. 11] – *мост Искусств* [11, с. 10], *Place du Châtelet* [17, с. 9] – *Площадь Шатле* [11, с. 8]; в) сочетание транслитерации и адекватного перевода: *le quai des Orfèvre* [17, с. 7] – *набережная Орфевр* [17, с. 6].

2. Симметрия культурем в плане содержания и асимметрия в плане выражения языкового знака. Сопоставительный анализ текстов выявили асимметричную передачу плана выражения знака при адекватном переводе его плана содержания по следующим пунктам:

А. Транспозиция грамматических категорий при переводе. В результате исследования выявлена высокая частотность транспозиции грамматических категорий в плане выражения знаков. Например: *Когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо* [9, с. 12] – *Quelque part au-delà de la Ceinture Sadovaïa, le soleil s'enfonçait dans une brume de fournaise* [15, с. 49]. В тексте оригинала культурема “Садовое кольцо” является словосочетанием, которое состоит из имени существительного и имени прилагательного, употребленных в среднем роде, тогда как во французском языке, где понятие среднего рода отсутствует, существительное ‘*la Ceinture*’ женского рода, поэтому в соответствии с грамматикой переводного языка транслитерированное прилагательное ‘*Sadovaïa*’ также употреблено в женском роде, т. е. осуществлена транспозиция грамматической категории рода.

Б. Транспозиция частей речи. Пример: *Забастовала Московско-Казанская железная дорога* [12, с. 29] – *Les services de Moscou-Kazan se mirent en grève* [18, с. 41]. При переводе культуремы “Московско-Казанская” в плане выражения осуществлена транспозиция части речи, где имена прилагательные оригинала переданы в тексте перевода именами существительными “*de Moscou-Kazan*” – преобразования осуществлены в соответствии с требованиями грамматики французского языка. Содержательный план культурем симметричен.

В. Транспозиция грамматических категорий и части речи при переводе. При переводе культурем с французского языка на русский просматривается транспозиция частей речи и грамматических категорий: *A l'entrée du faubourg, sur la place des Barrières, déjà nous rencontrâmes une foule fort gaie* [19, с. 163] – *Уже при входе в предместье, на Заставной площади, мы встретили весьма веселую толпу* [13, с. 143]. Рассматриваемая культурема “*la place des Barrières*” переведена на русский язык симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения знака, где имя существительное множественного числа “*des Barrières*” переведено именем прилагательным единственного числа, то есть, осуществлены транспозиции части речи и грамматической категории числа. При переводе художественных текстов с русского языка на французский прослеживается явление аналогичное вышерассмотренному: *Lara вызывала в воображении солнечную сторону Каретного ряда* [12, с. 28] – *Elle essayait d'évoquer ce que pouvait être <...> le versant ensoleillé de la rue des Carrossiers* [18, с. 34–39]. В словосочетании “каретный ряд” (имя прилагательное + имя существительное) лексема “ряд”, употребленная в значении *улицы*, непонятна французскому читателю, поэтому она заменена синонимом “*la rue*” на основе явления внеположенности. Имя прилагательное “каретный” переведено именем существительным ‘*Carrossiers*’, которое выполняет роль определения к другому существительному во французском языке, то есть, осуществлена транспозиция части речи и грамматической категории: единственное число изменено на множественное. Историческая справка: московская улица “Каретный ряд” получила свое название в связи с тем, что в прежние времена в этой части Москвы продавались кареты, что позже и отразилось в ее наименовании.

Г. Вставки. Сопоставление культурем французских и русских текстов, отражающих административно-территориальное устройство, выявляет примеры вставки в плане выражения знака при переводе. Например: *Дом был одноэтажный, недалеко от угла Тверской* [12, с. 25] – *C'était une maison sans étage, presque au coin de la rue de Tver* [18, с. 36]. Языковой знак “Тверская” является самодостаточным для понимания русскоговорящего читателя в отличие от франкоговорящего читателя, незнакомого с Москвой. В процессе адаптации плана содержания на французский язык переводчиком осуществлены преобразования в плане выражения знака, а именно, лексема “Тверская” переведена словосочетанием “*la rue de Tver*”; в плане выражения культуремы выявлена вставка – слово “улица”, что увеличило объем знака от одной лексемы до нескольких, но способствовало симметричной передаче его содержательного плана.

Проанализируем другой пример: *И ты тоже хорош, эту размазю с Николаевской поддерживаешь* [12, с. 32] – *Et toi aussi tu as bonne mine, d'entretenir ce mélimélo avec la ligne Mouscou-Saint-Pétersbourg* [18, с. 43]. Культурема “Николаевская” переводится на французский язык словосочетанием: ‘*Mouscou-Saint-Pétersbourg*’, которое отражает направления движения поезда. Это наименование и является эквивалентом к лексеме “Николаевская”, т.к. характерно для французских географических карт России.

3. Асимметрия плана содержания при переводе культурем. Дальнейшее исследование культурем, номинирующих реалии административно-территориального устройства, выявило асимметричную передачу плана содержания знаков при переводе, например: – *Вот, погляди, послушай, жил в нашей волости бобылек один* [10, с. 480] – *Ecoute, mon ami; dans notre village, il y avait un journalier* [16, с. 270]. Культурема оригинала “волость” отражает один из компонентов территориального устройства России в девятнадцатом веке: «*Волость – это <...> несколько сел или селений одного*

ведомства, владельца» [21, с. 234]. Лексема переводного текста *'le village'* (деревня, село) соответствует меньшей по объему единице территориального деления страны: деревня – это крестьянское селенье, в котором нет церкви, следовательно, предложенный переводчиком «эквивалент» искажает план содержания культураны. Сопоставление единиц текстов на французском и русском языках установило, что эта же лексема *"le village"* передает на французский язык культураны «слобода» при переводе произведения Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: *Я посидел и лесом пошел на слободу, встретил твою кормилицу* [14, с. 258] – *De là j'ai gagné à travers bois le village, où rencontrait ta nourrice* [20, с. 375]. Подобранный переводчиком вариант *'le village'* в качестве эквивалента культураны «слобода» искажает действительность, так как по В. И. Далю *"слобода – старое село свободных людей, пригородное селение, подгородный поселок"* [21, с. 221], тогда как *'le village'* (деревня) – это отдельно стоящий населенный пункт вне зависимости от времени его основания.

Асимметрия плана содержания единицы переводе может быть обусловлена ошибкой переводчика: *Поэт провел рукой по лицу <...> и увидел, что на Патриарших вечер* [9, с. 88] – *Le poète se passa la main sur le visage <...> et il vit que le soir tombait sur l'Étang du Patriarche* [15, с. 88]. Исследования показали, что культураны оригинала «Патриаршие» при ее адаптации на французский язык претерпела следующие преобразования плана содержания и выражения: транспозиция грамматической категории числа (множественное число на единственное) и увеличение объема знака (вставка слова *l'Étang*). Понятие *"Патриаршие"* не требует пояснения для русскоговорящего читателя, тогда как для франкоговорящего реципиента содержательный план этой культураны необходимо адаптировать, поэтому переводчик дополнил в план выражения знака слово *'l'Étang'*, но при этом изменил число лексем: множественное на единственное, что частично исказило план содержания культураны оригинала, т. к., в соответствии с текстом перевода, в Москве существует только один Патриарший пруд, что противоречит действительности. Данное преобразование может быть классифицировано как «переводческий произвол».

Исследования показывают, что в ряде случаев в одной фразе может быть несколько различных способов перевода культураны: *Антипова жила на углу Купеческой и Новосвалочного переулк* [12, с. 344] – *Antipova habitait à l'angle de la rue des Marchands et de la rue Novosvalotchny* [18, с. 379]. Культураны оригинала *"Купеческая"* передана эквивалентом *'la rue des Marchands'* (улица торговцев), в план выражения транслемы добавлено слово *"la rue"*, поясняющее содержательный план культураны, тогда как при перекодировке словосочетания *"Новосвалочный переулк"* план выражения единицы частично транслитерирован: *"Novosvalotchny"* с дополнением поясняющей вставки – слова *"la rue"*. Осуществленные преобразования привели к асимметричной передаче плана содержания, так как в административно-территориальном делении в России XIX–XX вв. «переулк» и «улица» являются далеко не однозначными понятиями, что подтверждается данными словаря В. И. Даля: «переулк – это поперечная улка; короткая улица, для связи улиц продольных» [21, с. 94]. Преобразования привели к асимметричной передаче плана содержания номинанта.

Следующий пример иллюстрирует уточнение наименования при переводе реалий, отражающих историко-географические названия: *Чувствовалось присутствие Брестской железной дороги. Рядом начинались ее владения* [12, с. 25] – *On sentait la proximité de la gare de Brest-Litovsk, dont le domaine commençait à deux pas de là* [18, с. 36]. Сопоставление культураны *"Брестская"* и предложенного переводчиком словосочетания *'la gare de Brest-Litovsk'* показывает, что в плане выражения знака осуществлены преобразования: уточнение наименования железной дороги по ее направлению – «Брест-Литовская». План содержания единицы перевода был искажен в результате вставки слова *"la gare"*, что увеличило объем знака, но сузило его смысловое наполнение: лексема *"вокзал"* не может быть эквивалентом лексеме *"железная дорога"*.

Таким образом, исследование культуранологически обусловленной информации текстов на русском и французском языках, а именно, единиц, номинирующих административно-территориальное устройство и географические объекты России и Франции, выявило тенденции их адаптации при переводе: а) симметрия культураны; б) симметрия культураны в плане содержания и асимметрия в плане выражения знака; в) асимметрия плана содержания культураны при переводе, что иллюстрирует степень адаптации исследуемых номинантов, тенденции их художественного перевода и, в целом, выявляет причины сбоя при межкультурной коммуникации, базирующейся на неадекватном переводе, провоцирующем создание неадекватных межкультурных образов.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура / Н. Ф. Алефиренко // Филология и культура. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 82–84.
2. Белозерова, Н. Н. Законы симметрии и перевод / Н. Н. Белозерова // Университетские чтения. Вып. 1. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – С. 29–34.
3. Воробьев, В. В. Лингвокультуранология [Теория и методы]: моногр. / В. В. Воробьев. – М.: РУНД, 1997. – 331 с.
4. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
5. Карцевский, С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях; В. А. Звегинцев (отв. ред.). – М., 1965. – Ч. 2. – С. 85–90.

6. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: моногр. / О. А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.
7. Моисеева, С. А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: моногр. / С. А. Моисеева, Е. А. Огнева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 208 с.
8. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Список источников примеров

9. Булгаков, М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков. – М.: Худ. лит., 1988. – 384 с.
10. Горький, М. Собр. сочин. в двух томах. / М. Горький. – М.: Полиграфресурсы, 2000. – Т. II: В людях. – С. 207–527.
11. Модiano, P. Цирк идет / P. Модiano / пер. с фр. А. В. Немировой. – Харьков: Фолио, 1999. – 192 с.
12. Пастернак, Б. А. Доктор Живаго / Б. А. Пастернак. – М.: Сов. Россия, 1989. – 640 с.
13. Роллан, Р. Кола Брюньон / Р. Ролан / пер. с фр. М. Лозинского. – Л.: Худ. лит., 1986. – 390 с.
14. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – М.: Сов. Россия. – 560 с.
15. Boulgakov, M. Le Maître et Marguerite / M. Boulgakov. – P.: Laffont, 1968. – 512 p.
16. Gorki, M. En gagnant mon pain / M. Gorki / Tr. du russe par Jean Loubes. – Paris: Editions Fournier, 1946. – 303 p.
17. Modiano, P. Un cirque passe / P. Modiano. – P.: Gallimard, 1992. – 96 p.
18. Pasternak, B. Le docteur Jivago / B. Pasternak. – P.: Gallimard, 1986. – 695 p.
19. Rolland, R. Colas Breugnon / R. Rolland. – M.: Edition en langues étrangères, 1948. – 224 p.
20. Tolstoï, L. Anna Karénine / L. Tolstoï / Tr. du russe par S. Luneau. – P.: Gallimard, 1952. – 909 p.

Словари

21. Даль, В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка: в 4-х т / В. И. Даль. – М.: Изд-во Русский язык, 1999. – 2716 с.
22. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1976. – 846 с.

Г. К. Семянькова (Беларусь, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава)

УЛАСНАЕ ІМЯ ЯК ПАКАЗЧЫК РЭЛІГІЙНАЙ, НАЦЫЯНАЛЬНАЙ, САЦЫЯЛЬНАЙ, КУЛЬТУРНАЙ ХАРАКТАРЫСТЫКІ НОСЬБІТА

Для ідэнтыфікацыі чалавека ў грамадстве існуе багаты набор антрапанімных адзінак – уласнае асабовае імя, імя па бацьку, прозвішча (усе тры кампаненты ўтвараюць афіцыйную формулу называння сучаснага беларуса), а таксама мянушка, псеўданім, нік (апошняя адзінка з’явілася адносна нядаўна ў сувязі з узнікненнем Інтэрнэт-камунікацыі). Пры такім багацці вылучыць пэўную асобу з калектыву, якому яна належыць, не складае ніякіх цяжкасцей. Можна ўзнікнуць пытанне: ці магчыма з антрапаніма пачэрпнуць інфармацыю не толькі пра тое, хто яго носьбіт, але і які ён, чым займаецца, кім працуе, што яго цікавіць? Ці можа ўласнае імя не толькі называць, але яшчэ і характарызаваць чалавека?

Станоўчы адказ на пастаўленае пытанне не выклікае сумненняў, калі гаворка ідзе пра герояў мастацкіх твораў, у якіх антрапанімныя найменні – яркія вобразныя сродкі, што дапамагае аўтару раскрыць характар персанажа, яго маральныя прынцыпы. Выбар антрапанімнай адзінкі тут свабодны і прадрыктаваны задумай пісьменніка. Іншая справа ў рэальным жыцці, дзе свабодны выбар характэрны толькі для асобных антрапанімных адзінак.

Мэта прапанаванага артыкула – паказаць, якія ўласцівасці рэальна існуючага чалавека можа ўтрымліваць у сабе яго ўласнае імя (у шырокім сэнсе). Матэрыялам для даследавання сталі сучасныя найменні жыхароў Віцебшчыны.

Часам форма, знешняя абалонка ўласнага асабовага імені і прозвішча паказваюць, прадстаўніку якой нацыянальнасці яны належаць. Як вядома, большасць славян носіць кананічныя імёны, што прыйшлі да нас разам з прыняццем хрысціянства, – *Аляксандр, Аляксей, Вольга, Галіна, Генадзь, Ілья, Марыя, Мікалай, Міхаіл, Наталля, Сяргей, Таццяна* і інш. Паколькі на тэрыторыі Беларусі суіснуюць дзве кананічныя іменаслоўныя сістэмы – праваслаўная (або візантыйска-грэчаская) і рымска-каталіцкая, кожная з якіх мае свой набор уласных асабовых імён, – то нярэдка імя носьбіта падказвае, прадстаўнік праваслаўнага ці каталіцкага веравызнання перад намі. Напрыклад, толькі каталіцкай царквой прыняты імёны *Бернард (Bernard), Дамінік, Здзіслаў, Зігмунд (Zygmunt), Казімір (Kazimierz), Кароль, Каспер (Kasper), Людвік (Ludwig), Ружса, Франц, Юльяна, Ядвіга*, толькі праваслаўнай царквой – *Леў* і інш.

Асобныя імёны, агульныя для праваслаўных і каталіцкіх календароў, маюць у іх рознае гукавое фармленне: праваслаўнае *Васіль* – каталіцкае *Базыль (Bazyli)*, праваслаўнае *Фама* – каталіцкае *Томаш (Tomasz)*, а таксама *Іосіф – Ё(Ю)зэф (Józef), Якаў – Якуб (Jakub), Гаўрыіл – Габрыэль (Gabriel), Венедзікт – Бенядыкт (Benedykt), Варфаламей – Балтрамей (Bartłomiej)* і інш. Усе прыведзеныя вышэй імёны могуць быць паказчыкам рэлігійнай прыналежнасці носьбіта.

Дарэчы, на тэрыторыі сучаснай Віцебшчыны па колькасці пераважаюць прозвішчы, суадносныя імёнамі менавіта праваслаўнага календара, што з’яўляецца сведчаннем таго, што на Віцебшчыне праваслаўе больш распаўсюджана, чым каталіцызм.